

УДК 316.614 – 053.6

ББК 60.542.15

Р 82

Е.П. Рубцова

Главный специалист по социальным вопросам филиала АНОО ВПО «Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере» г.Белореченск, E-mail: helenabel64@mail.ru

«Жизненные стратегии» молодежи: проблемы определения в социологическом дискурсе

Аннотация: В статье обосновывается интерес современной социально-гуманитарной науки к таким понятиям как «жизненные стратегии», «жизненный план», «жизненные установки» и ряд других, а также значимость проблематики, связанной с изучением состояния и тенденций становления в молодежной среде долговременных ориентиров. На основе анализа разнообразных концепций, моделей и подходов к определению жизненных стратегий, сложившихся в отечественной социологии дается трактовка понятия «жизненные стратегии» и обозначаются ее ключевые аспекты.

Ключевые слова: Жизненные стратегии, условия жизнедеятельности, жизненная установка, жизненные ориентации, фундаментальная линия жизненного поведения личности, культурный стиль, личностные параметры образа жизни.

E.P. Rubtsova

Principal Specialist in Social Problems of the Branch of the ANOO VPO “Institute of Economy and Management in Medicine and Social Sphere”. Belorechensk, E-mail: helenabel64@mail.ru

“Life strategies” of youth: definition problems in a sociological discourse

Abstract: The paper substantiates the interest of modern social – humanities science to such concepts as “life strategy”, “life plan”, “life appointments” etc., as well as the significance of problems related to studying the condition and tendencies of formation of long-term orientations in the youth’s environment. The author gives a treatment of the concept “life strategies” and describes its key aspects on the basis of analysis of various concepts, models and approaches to determination of life strategies formed in domestic sociology.

Keywords: life strategies, conditions of life, setup of life, life orientations, fundamental line of vital behaviour, cultural style, personality parameters of the way of life.

В условиях трансформирующегося общества и непосредственной смены системы общественных отношений, когда базовые социальные институты перепредмечивают свои взаимодействия, часто сопровождаемые содержательным и структурным изменением основных функций, неизбежно возрастает и динамика социальной адаптации личности к новым условиям ее жизнедеятельности. Вместе с тем растет и интерес к тем элементам современной системы жизнеобеспечения, которые менее всего подвержены ситуативным изменениям и выступают в качестве долговременных целевых установок. Именно они и обеспечивают определенную устойчивость социальной структуры общества и равновесие в системе социокультурных отношений, что особенно важно при определении вектора трансформационных процессов.

По всей вероятности, этим и можно объяснить то внимание, которое уделяется современной социально-гуманитарной наукой таким понятиям, как «жизненные стратегии», или, достаточно часто используемыми, близкими по своему месту в системе жизнеобеспечения личности, «жизненный план», «жизненный путь», «жизненный

сценарий», «жизненная установка», «жизненные ориентации» и ряд других. Каждое из них в определенной мере претендует на характеристику некоторой «фундаментальной линии жизненного поведения личности» [1]. Однако в социологической литературе пока еще не существует четкого представления о том, что же авторы понимают под каждым из понятий, относимых к ряду определяющих перспективную устремленность жизненного самоопределения личности. Другими словами, в современной российской науке существуют разнообразные концепции, модели и подходы к определению жизненных стратегий и других, адекватных им определений.

Вместе с тем, совершенно очевидно в исследованиях проявляет себя тенденция изучения понятия «стратегии жизни» в сочетании с понятием «молодежь». Перенос исследовательского интереса на жизненные стратегии молодежи в социологии, в первую очередь, связывают с возрастающим многообразием каналов, соответственно и способов вхождения молодежи во взрослое общество; растущим разнообразием форм, как общего, так и профессионального образования; развитием специфического молодежного рынка труда и способов первичного трудоустройства молодежи; многообразием стилей жизни и форм семейно-брачных отношений и т.п.

В отечественной социологии, как правило, выделяют несколько отчетливо оформившихся по предметности исследовательского интереса периодов исследования жизненных стратегий молодежи, при общей динамике их направленности «от изучения жизненных планов и программ к стратегиям»[2].

Во-первых, это период, связанный с исследованием процесса формирования жизненных планов и возможностей их реализации (60-е–70-е годы прошлого столетия). Он совпадает со становлением в рамках социально-гуманитарного знания такой отрасли, как юнология (С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, М. Титма, Ф.Р. Филиппов, В.Н. Шубкин). В рамках этого периода молодежь рассматривалась как социально-демографическая и социокультурная целостность с дифференциацией на основе социально-классовой структуры общества. Соответственно, жизненные планы трактовались как нечто производное от нормативных требований общества, и речь шла о возможностях их корректировки в соответствии с потребностями развития советского общества.

Во-вторых, это период осознания неоднородности молодежи как социально-демографической и социально-психологической группы и признания факта неравенства жизненных шансов для отдельных ее групп (проблемы выравнивания различий по типу «город – село» и т.д.). Особенно остро эта проблематика оформилась как исследовательское направление в конце 70-х и 80-ые годы, когда центр изучения сместился к проблеме воспроизводства социальной структуры и изучения социальных различий межпоколенного характера. На смену жизненным планам как предмета исследовательских практик пришли понятия «жизненные ориентации», «жизненная перспектива», которые стали анализироваться с позиций различий социального потенциала разных категорий молодежи.

Современный этап (с начала 90-х годов) тесно связан с представлениями о неоднородности молодежи и наличием различных субкультур, способных к самовоспроизводству. В исследовательской практике все большее место занимает понятие индивидуальных траекторий интеграции молодежи в транзитивное, а, следовательно, нестабильное общество, в котором весьма ослаблены социетальные скрепы в виде институциональных норм и регуляторов.

Коренным образом меняется тип базовой культуры: от постфигуративной, с ее жесткой системой непосредственной межпоколенческой трансляции, через конфигуративную, выравниваемую на модель поведения современника, к префигуративной, характеризующейся становлением нового типа коммуникационных отношений поколений[3]. Происходит замещение устоявшейся модели советской моностилистической культуры ее полистилистической противоположностью[4]. Все это

способствует разрушению традиционных систем личностных идентификаций не замечая их другими, достаточно устоявшимися социальными механизмами интеграции в общество.

В этих условиях резко возрастает значимость проблематики, связанной с изучением состояния и тенденций становления в молодежном сознании долговременных ориентиров, определяющих относительную стабильность жизненного поведения личности, то есть жизненных стратегий. В связи с этим возрастает потребность в теоретической рефлексии имеющихся подходов к самому определению понятия «жизненные стратегии» и, затем, к специфике процесса формирования жизненных стратегий в молодежном сознании.

Что касается первого обстоятельства, то в социологическом дискурсе значительное внимание уделяется определению основного источника, рождающего потребность в жизненном самоопределении и соответствующей выработке жизненных стратегий. Здесь следует отметить как минимум два подхода: во-первых, выход на понятие «стратегия жизни» через социально-психологическую зрелость личности[5], и, во-вторых, посредством выделения особой роли притязаний (либо ожиданий) при оформлении перспективного жизненного выбора[6]. Причем, в работах, рассматривающих специфику формирования жизненных стратегий учащейся и студенческой молодежи, на место «притязаний» чаще выходит такое понятие, как «ожидания». К примеру, анализируя соотношение декларируемого равенства прав в системе образования и реальной социальной дифференциации, известный российский социолог Д.Л. Константиновский говорит о том, что «...массовость образования и популярность мирократической его модели...» вызывает, с одной стороны, интерес и потребность в образовании, но с другой – рождает «у молодежи необоснованно завышенные социальные ожидания»[7].

С этой точки зрения интерес представляет определение жизненной стратегии как динамической системы перспективного и долговременного ориентирования актора в будущей жизни, с целью ее преобразования в определенном социокультурном пространстве[8]. Жизненные стратегии ориентируют и направляют поведение личности в течение длительного времени, и представляют собой идеализированное отражение будущего жизненного пути, обобщенное выражение не только направленности ориентации, но и способов, путей реализации ожиданий социального положения.

Другая группа проблем исследовательского характера связана с определением направленности жизненных стратегий молодежи в процессе их формирования. Здесь на наш взгляд, весьма перспективным подходом в проектировании исследовательской модели, является концептуализация процесса становления жизненных стратегий известным исследователем молодежной проблематики Ю.А. Зубок. Отмечая, что формирование жизненных стратегий современной молодежи России происходит в условиях риска, когда характерное чувство незащищенности и опасности становится постоянным, Ю.А. Зубок считает, что в условиях нестабильности социальной системы наблюдается возросшая неопределенность и в поведении личности при построении жизненной стратегии[9]. С этой точки зрения наиболее предпочтительным и обладающим наиболее полным объяснительным потенциалом выступает такой индикатор, как активность молодежи, которая, несмотря на диффузный расплывчатый характер, все-таки дает возможность исследователю определять жизненные стратегии в ориентированности не столько на проективные, сколько на неопределенные ситуации.

С социокультурными институциональными изменениями, определяющими степень социальной адаптивности индивида, связывает в своей работе тип стратегического поведения молодой исследователь Д.Ю. Чеботарева. Используя интегративный критерий характера и степени социальной активности индивида выделяется несколько типов жизненных стратегий:

– рецептивная («приобретательская») активность, (основа стратегии жизненного благополучия, включая аномальные потребительско-накопительные формы);

- мотивационная («достиженческая») активность, (стратегия жизненного успеха, рассчитанная на общественное признание);
- творческая активность, (стратегия самореализации, направленная на создание новых форм жизни безотносительно к их внешнему признанию или непризнанию)[10].

Проведенный анализ различных точек зрения, сложившихся в отечественной социологии, позволяет сделать вывод, что понятие «жизненная стратегия» трактуется, по меньшей мере, в двух значениях:

- в широком - как своеобразная система перспективного ориентирования личности в своем жизненном мире, включая в себя сознательные и поведенческие характеристики, которые необходимы и достаточны для формирования и реализации будущей жизни;
- в узком значении - как устойчивая совокупность перспективных ориентаций относительно своей индивидуальной жизни, локализованных в сознании личности и трансформирующихся в систему ее поведенческой готовности.

Исходя из вышесказанного, ряд исследователей проблем формирования и реализации «жизненных стратегий» в социологии молодежи предлагают обозначить следующие ключевые аспекты этого понятия: во-первых, определение границ и конструирование индивидом собственной повседневности в рамках более долгосрочного целеполагания и целереализации; во-вторых, ранжирование и выбор индивидом определенных идентичностей и постигаемых статусов, жизненных форм и культурных стилей; в-третьих, постоянная корректировка основных личностных параметров образа жизни в соответствии с изменением социокультурных условий – с одной стороны, с другой – с осуществленным личностным долговременным выбором ориентира собственной жизнедеятельности.

Примечания:

1. Большов В.Б. Стратегия жизни молодежи в условиях риска // Официальный сайт Краснодарского университета МВД России. URL: <http://www.krdu-mvd.ru>.
2. Константинова Е.Б. Методические основы изучения жизненных стратегий молодежи // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. С. 82-83.
3. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322-361.
4. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М., 1995. С. 95-102.
5. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 67.
6. Магун В.С. Трудовые ценности российского общества // Общественные науки и современность. 1996. №6. С. 17.
7. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц., 2001. С. 146.
8. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. №4. С. 100-101.
9. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42-51
10. Чеботарева Д.Ю. Социокультурные условия формирования индивидуальных жизненных стратегий современного человека // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. Проблемы социокультурной трансформации современного российского общества. Ростов н/Д, 2006.

References:

1. Bolshov V.B. Strategy of a life of youth in the conditions of risk / the Official site of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.krdu-mvd.ru>.
2. Konstantinova E.B. A methodical bases of studying vital strategy of youth //Quality of a life in a sociocultural context of Russia and the West: methodology, experience of empirical research. Part 1. - Ekaterinburg, 2006. - P. 82-83.
3. Mid M. The culture and the childhood world. M., 1988. P. 322-361.
4. Ionin L.G. The bases of the sociocultural analysis. M., 1995. P. 95-102
5. Abulkhanova-Slavskaya K.A. A strategy of life. M., 1991. P 67.
6. Magun V.S. Labour values of the Russian society // Social studies and the present. 1996. No.6. P.17.
7. Russia: a transformed society / Ed. Yadov V.A. M.: Kanon-Press-TS., 2001. P. 146.
8. Reznik T.E., Reznik Yu.M. Vital strategies of the personality // Sociological Researches. 1995. No.4. P. 100-101.

9. Zubok Yu.A. Problems of social development of youth in the risk conditions // Sociological Researches. 2003. No. 4. P. 42 – 51.

10. Tchebotaryova D.Yu. Sociocultural conditions of formation of individual vital strategy of the modern person // News of higher schools. The North Caucasian region. Social Studies. Special issue. Problems of sociocultural transformations of a modern Russian society Rostov-on-Don, 2006.